

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-3

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-121-126

ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТА «ЕСТЕСТВЕННОГО ГЕРОЯ» В РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ XIX в.

© *Жорникова Мария Николаевна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: jornikova@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности статического портрета и закономерности жестового стиля одного из типов положительного героя романтической повести — «естественного героя». Закономерности выявлены путем сопоставления персонажей романтической повести, где разрабатывается позднеромантическая тема унижения человека. Данный тип интересен тем, что отображает в портретном описании признаки «маленького человека», который наделен жизнью души и сердца, но неопытен в делах света. Жестовый стиль естественного героя воплощает идеал поведения, свободного от искусственности, но исполненного одухотворенности. Неопытность в делах света авторы передают жестами, выражающими робость и нерешительность, а также дрожью в интонации и молчанием как невозможностью произнести слово. Визуальные характеристики героя передают состояние задумчивости и момент «выпадения» героя в состоянии сильного душевного потрясения. Естественный герой импульсивен и эмоционален, о чем свидетельствуют порывистые жесты и слезы. Также он наделен нереализованной потенциальностью ответного действия, угадываемой в жесте нарушающего приличия взгляда со значением обладания; в типичном для естественного героя жесте превосходства и отстранения — «сложение рук на груди», а также в мимическом жесте «побледнеть».

Ключевые слова: романтизм, русская романтическая повесть, портрет романтического героя, естественный герой, статический портрет, жестовый портрет.

В 30-е гг. XIX в. в русскую литературу входит светская повесть. «В отличие от длинного и запутанного романа, рисующего всю цепь жизненных приключений героев, светская повесть изображает лишь один наиболее значительный эпизод в жизни своего героя... старается перенять, правда, чрезвычайно упрощая и сужая его, психологический анализ бытовых, преимущественно любовных, переживаний, исключительный интерес к женщине» [3, с. 526]. Светскую повесть невозможно представить без положительных героев, которые воплощают авторские идеалы и которых условно можно разделить на два типа: это идеальный светский человек, второй — «естественный» герой, раскрытию особенностей портретного описания которого и посвящена данная работа.

В романтической прозе тип героя и его портрет, как «момент проступания внутреннего человека во внешнем, или связь их» [1, с. 4], находились в прямом соотношении, поэтому необходимо изучение портрета «естественного героя» в единстве статического и динамического начал.

В романтической повести естественный герой — это, как правило, молодой небогатый чиновник или корнет, выходец из провинции, мечтающий войти в светское общество, и это общество в конечном итоге наносит жестокий удар по его искренней любви, по его мечтам. Авторы светских повестей дают такие характеристики этому герою: *ребенок по душе и по понятиям, душа его чужда порока* [12, с. 201]; *в его глазах слишком много души и воли, в его движениях, несмотря на их неловкость, слишком много благородства* [10, с. 109]; *молод, не знает ни людей, ни жизни* [9, с. 79]; *он еще ничего не испытал, но обо всем намечтался. Он верил и высокой, бесконечной дружбе, и самоотвержению, и добродетели без притязаний. Он верил еще пламеннее женщинам и любви святой, возвышенной. Он был с нами, но не из нас* [14, с. 18]. Естественный герой — представитель униженных в светской повести (это обстоятельство наиболее часто используется авторами в поздних повестях) в силу своей бедности, молодости и неопытности. Здесь разрабатывается позднеромантическая тема унижения человека, когда «в идеальную сущность личности входит порожденная реальностью трагедия» [17, с. 56]. В этот же ряд входит романтическая повесть о художнике, в которой к бедности и молодости прибавляется талант, противопоставляющий героя толпе.

Статический портрет «естественного героя» наиболее сложен для анализа, поскольку полное описание его внешности часто отсутствует. Авторы используют либо определение (прекрасный молодой человек, пылкий юноша), либо общую характеристику внешности (прекрасен собою, во цвете молодости, прекрасное лицо, с цветущими ланитами и устами и проч.). В повестях полный портрет может быть заменен разрозненными чертами, заимствованными главным образом из портрета идеального героя. Чаще всего это кудри/локоны и черные ресницы. Только румянец как признак стыдливости, неискушенности может считаться типичной чертой статического портрета естественного героя. Иногда в повести представлен костюм естественного героя, основное назначение которого — подчеркивать невысокое социальное положение персонажа в сравнении с богатством высшего света (чаще всего это мундир нижнего офицерского чина).

Жестовый стиль естественного героя отличается от жестового стиля других типов романтических героев и в сравнении со статическим портретом дан авторами повестей более подробно. Жестовый стиль естественного героя воплощает идеал поведения, свободного от масок, наигранности, искусственности, но исполненного одухотворенности. Так, главная черта естественного героя — робость, которая сквозит в жесте, мимике, интонации и выражается переходными формами: *чувство робости тяжело сжало его при входе* [10, с. 133]; *оробел* [14, с. 31]; *спросил с робостью* [16, с. 102] и т. д.

Необходимо отметить, что нерешительность естественного героя также выражается молчанием особого рода, которое является нереализованным

намерением высказывания: *слова не сходили с уст* [10, с. 129]; *непонятная робость удерживала слова и движения* [12, с. 182]; *он был не в силах выговорить слова* [15, с. 61] и т. д.

Одно из качеств естественного героя — задумчивость, которая может быть выражена пограничной формой жеста и характеристикой состояния: *призадумался* [13, с. 109]; *застали молодого человека, задумавшегося над клочком бумаги с восторгом самозабвения в выразительных чертах лица* [11, с. 4]; *остался один с глубокою думой на сердце* [6, с. 301] и проч.

Нередки ситуации, когда герой дрожит от обуреваемых чувств: *задрожал всеми членами как преступник* [11, с. 26]; *невольный трепет пробежал по всему телу* [6, с. 319]; *с невольным судорожным движением ему повиновался* [9, с. 89]; *вздрыгнул, как от удара кинжалом в сердце* [7, с. 139]; *дрожь бежит у меня по всем членам* [15, с. 48].

Жестовый стиль естественного героя схож с жестовым стилем естественной героини: те же порывистые движения, резкие переходы от неподвижности к действию и, наоборот, отражающие состояние внутреннего конфликта, борьбу чувств. Об импульсивности героя свидетельствуют собственно жесты, которые связаны с предметом и отражают изменение положения корпуса: *рванул запонки* [4, с. 100]; *вырвал платок, выбежал вон* [14, с. 27]; *вдруг начал рвать в куски, терзать письма* [16, с. 13]; *как бешеный бросился он из кресел* [6, с. 177]; *бросился обнимать меня* [9, с. 81] и др.

Об эмоциональности, чувствительности героя говорят мимические жесты, связанные со слезой и сменой красок лица: *лицо...то вспыхивало ярким румянцем, то покрывалось резкою бледностью* [11, с. 16]; *слёзы сострадания показались на лице моём* [8, с. 214]; *он побледнел как саван, на глазах навернулись слёзы* [7, с. 151]; *жар молодости отразился на его щеках* [16, с. 92].

Герой находится во власти сильного чувства, его взгляд, нарушающий нормы этикета, устремлен на избранницу: *взоры его с жадностью впились в ее черты* [6, с. 150]; *мои взоры как околдованные не могли расстаться с ней* [15, с. 16]; *пожирал ее глазами* [16, с. 132]. При этом герой ничего не замечает, кроме своей любви, и в буквальном смысле слепнет: *на глаза его налег туман* [10, с. 135]; *свет потемнел в глазах его* [12, с. 187]; *в глазах меркло* [15, с. 61]. Подобно естественной героине персонажи отдельных повестей даже падают в обморок: *последние ее слова лишили меня чувства бытия* [8, с. 210]; *зашатался и упал на скамью* [6, с. 327].

Группа внутренних жестов естественного героя, как и в жестовом стиле естественной героини, связана с жизнью сердца и «внутренним телом» и отражает пламенную натуру главного героя: *сердце страшно призабилося* [4, с. 95]; *кровь прилила к голове моей* [8, с. 214]; *сердце сжалось как птичка, придавленная рукой* [8, с. 189]; *Извекова обдало кипятком и морозом* [12, с. 186]; *ее речи всю кровь мою зажигали во мне* [14, с. 31]; *сердце вздрагивает бешеным волнением* [14, с. 32]; *голова его терялась* [16, с. 132] / *горела* [6, с. 304]; *сильно забила грудь* [6, с. 187]; *адское страдание вгрызлось в душу* [15, с. 24] и др.

В жестовом стиле естественного героя преобладают главным образом интонационные жесты, полярность которых также характеризует героя как человека сильных эмоций: *прошептал*; *произнес голосом звучным и сильным* [11, с. 28]; *вскричал* [4, с. 101]; *отвечал едва внятным голосом* [4, с. 113]; *тихо сказал* [12, с. 187], *взревел несчастный в совершенном иступлении* [12, с. 205–206]; *тихо шептал* [16, с. 154] и проч.

Наряду с особенностями жестового стиля естественного героя в его портрете встречаются также сквозные жесты, свойственные для нескольких или всех типов романтического героя (так называемые общие места в жестовом стиле). Например, визуальные характеристики «выпадения» (*остолбенеть/ окаменеть/ помертветь/ стоять как пораженный громом*). Изображение аффекта как общего места в жестовом стиле естественного героя с самого начала идет через преувеличенность внешнего выражения, т. е. жесты страстей максимально интенсифицируются, что приводит к неудачным примерам: *лицо у него горело, руки судорожно сжимались, волосы становились дыбом, поднятые брови почти скрестились* [4, с. 96].

Излюбленная поза романтического героя — скрещенные на груди руки — означает стремление «закрыться от людей, внутренне готовясь к защите» [2, с. 182]: *стоял, будто окаменелый в толпе со сложенными на груди руками* [11, с. 18]; *сложив на груди руки, молча остановился перед нею* [6, с. 322]; *он сложил руки на грудь* [12, с. 171] и др.

Таким образом, естественный герой являет пример поведения, свободного от искусственности, притворства. В его жестовом стиле определяющими будут жесты, выражающие робость и нерешительность. В группе интонационных жестов это жест молчания (как невозможность говорить) и полярная интонация. Визуальные характеристики передают состояние задумчивости и момент «выпадения» героя (преимущественно в состоянии сильного потрясения). Герой чувствителен, импульсивен и эмоционален, о чем свидетельствуют порывистые жесты, слезы, дрожь. Здесь необходимо отметить, что униженный герой наделяется нереализованной потенцией ответного действия, угадываемой в жесте нарушающего приличия взгляда со значением обладания; в типичном для естественного героя жесте превосходства и отстранения — «сложение рук на груди», а также в мимическом жесте «поглядеть», который рассматривается как выражение агрессии.

Литература

1. Башкеева В. В. От живописного портрета к литературному: Русская поэзия и проза конца XVIII — первой трети XIX в. Улан-Удэ, 1999. 270 с.
2. Башкеева В. В., Жорникова М. Н. Разгадать человека: особенности портретирования в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. Спецвып. А. С. 181–184.
3. Белкина М. А. «Светская повесть» 30-х годов и «Княгиня Литовская» Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: исследования и материалы. М., 1941. С. 516–551 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/jt/jt1-516-.htm>

4. Войт В. Новый Леандр // Библиотека для чтения. СПб.: Изд-во А. Смирдина, 1841. Т. 49. С. 86–140.
5. Ган Е. А. Суд света // Дача на Петергофской дороге: проза русских писательниц первой половины XIX века / сост., вступ. ст., примеч. В. В. Ученова. М.: Современник, 1986. С. 147–212.
6. Газтанов Н. Бивак под Гатчиной // Сын Отечества. 1837. № 6. С. 147–191; № 7. С. 285–338.
7. Меглецкий Н. Странный случай // Сын Отечества. 1837. № 10. С. 133–157.
8. Минин П. Любовь // Сын Отечества и северный архив. 1835. № 31. С. 199–219.
9. Одоевский В. Ф. Свидетель // Сын Отечества и северный архив. 1839. Т. 7, ч. 1. С. 77–90.
10. Панаев И. И. Сегодня и завтра // Первое полн. собр. соч.: в 6 т. СПб., 1888–1889. Т. 1. С. 108–152.
11. Панаев И. И. Спальня светской женщины // Панаев И. И. Первое полн. собр. соч.: в 6 т. СПб., 1888–1889. Т. 1. С. 1–46.
12. Рахманный А. (Н. Н. Веревкин). Кокетка // Библиотека для чтения. СПб.: Изд-во А. Смирдина, 1836. Т. 18. С. 159–207.
13. Рахманный А. (Н. Н. Веревкин). Один из двух // Библиотека для чтения. Пб.: Изд-во А. Смирдина, 1836. Т. 19. С. 103–151.
14. Ростопчина Е. П. Поединок // Русская романтическая новелла / сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. А. Немзера. М.: Художественная литература, 1989. С. 7–35 (Классики и современники. Русская классическая литература).
15. Ростопчина Е. П. Чины и деньги. М.: Директ-Медиа, 2015. 73 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.directmedia.ru/book_385782_chinyi_i_dengi
16. Соллогуб В. А. Большой свет // Избранная проза / сост. В. А. Мильчина. М.: Правда, 1983. С. 86–162.
17. Троицкий В. Ю. Художественные открытия русской романтической прозы 20-30-х годов XIX в. М.: Наука, 1985. 299 с.

THE FEATURES OF "NATURAL CHARACTER" PORTRAIT IN RUSSIAN ROMANTIC NOVELS OF THE 19th CENTURY

Mariya N. Zhornikova

PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian and Foreign Literature, Buryat State University
6 Ranzhurova St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The article discusses the main features of static portrayal of positive character type called “natural hero” in romantic long story and the patterns of his gesture style. The regularities are revealed by comparing characters in a romantic novel, which develops late-theme of human humiliation. This type of character is presented as a “small person” by the gestures showing shyness and lack of confidence, by his trembling voice and silence when he is unable to speak. The visual characteristics of a hero indicates the reverie and the moment of his pleasantly “loss” in a state of extreme emotional turmoil. A “natural hero” is impulsive and emotional; we can understand it through his gestures and tears. He is endowed with non-realized potential of the return action: his gaze with the meaning of possession, crossing arms and turning pale indicates aggression.

Keywords: romanticism, Russian romantic long story, romantic hero portrayal, natural hero, static portrayal, gesture portrayal.

References

1. Bashkeeva V. V. *Ot zhivopisnogo portreta k literaturnomu: Russkaya poesiya i proza kontsa XVIII – pervoi treti XIX v.* [From Picturesque Portrait to Literary One: Russian Poetry and Prose of the Late 18th – the First Third of the 19th Century]. Ulan-Ude, 1999. 270 p.
2. Bashkeeva V. V., Zhornikova M. N. Razgadat' cheloveka: osobennosti portretirovaniya v romane M. Yu. Lermontova "Geroi nashego vremeni" [To Unravel a Person: The Features of Portraiture in M. Lermontov's Novel "Hero of Our Time"]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Buryat State University*. 2012. Special Issue A. Pp. 181–184.
3. Belkina M. A. "Svetskaya povest'" 30-kh godov i "Knyaginya Ligovskaya" Lermontova ["Secular Story" of 1930s and Lermontov's "Princess of Lithuania"]. *Zhizn' i tvorchestvo M. Yu. Lermontova: Issledovaniya i materialy — Life and Work of Mikhail Yu. Lermontov: Research and Materials*. Moscow, 1942. Pp. 516–551. Available at: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/jt/jt1-516-.htm> (accessed August 28, 2016).
4. Voit V. Novyi Leandr [New Leander]. *Biblioteka dlya chteniya — Library for Reading*. St. Petersburg: A. Smirdin Publ., 1841. V. 49. Pp. 86–140.
5. Gan E. A. Sud sveta [Court of Light]. *Dacha na Petergofskoi doroge: Proza russkikh pisatel' nits pervoi poloviny XIX veka — Villa in the Peterhof Road: Russian Writers' Prose of the First Half of the 19th Century*. Moscow: Sovremennik Publ., 1986. Pp. 147–212.
6. Gaetanov N. Bivak pod Gatchinoy [Bivouac at Gatchina]. *Syn Otechestva — Son of the Fatherland*. 1837. No. 6. Pp. 147–191; No. 7. Pp. 285–338.
7. Megletsii N. Stranni sluchai [Strange Case]. *Syn Otechestva — Son of the Fatherland*. 1837. No. 10. Pp. 133–157.
8. Minin P. Lyubov' [Love]. *Syn Otechestva i severnyi arkhiv — Son of the Fatherland and the Northern Archive*. 1835. No. 31. Pp. 199–219.
9. Odoevskii V. F. Svidetel [Witness]. *Syn Otechestva i severnyi arkhiv — Son of the Fatherland and the Northern Archive*. 1839. V. 7. Part 1. Pp. 77–90.
10. Panaev I. I. Segodnya i zavtra [Today and Tomorrow]. *Panaev I. I. Pervoe polnoe sobranie sochinenii — The First Complete Set of Works*. In 6 v. St. Petersburg, 1888–1889. V. 1. Pp. 108–152.
11. Panaev I. I. Spalnya svetskoi zhenshchiny [Bedroom of Secular Women]. *Panaev I. I. Pervoe polnoe sobranie sochinenii — The First Complete Set of Works*. In 6 v. St. Petersburg, 1888–1889. V. 1. Pp. 1–46.
12. Rakhmannyi A. (N. N. Veryovkin) Koketka [Coquette]. *Biblioteka dlya chteniya — Library for Reading*. St. Petersburg: A. Smirdina Publ., 1836. V. 18. Pp. 159–207.
13. Rakhmannyi A. (N. N. Veryovkin). Odin iz dvukh [One of the Two]. *Biblioteka dlya chteniya — Library for Reading*. St. Petersburg: A. Smirdina Publ., 1836. V. 19. Pp. 103–151.
14. Rostopchina E. P. Poedinok [Duel]. *Russkaya romanticheskaya novella — Russian Romantic Short Story*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. Pp. 7–35.
15. Rostopchina E. P. *Chiny i den'gi* [Offices and Money]. Moscow: Direkt-Media Publ., 2015. 73 p. Available at: http://www.directmedia.ru/book_385782_chiny_i_dengi/ (accessed August 28, 2016).
16. Sollogub V. A. Bol'shoi svet [Large Light]. *Izbrannaya proza — Selected Prose*. Moscow: Pravda Publ., 1983. Pp. 86–162.
17. Troitskii V. Yu. *Khudozhestvennye otkrytiya russkoi romanticheskoi prozy 20–30-kh godov XIX v.* [Art Discoveries in Russian Romantic Prose of 1920s–1930s]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 299 p.